

О ДИАЛОГАХ ХУАНА ЛУИСА ВИВЕСА «ПРАКТИКА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА»

ON «THE DIALOGUES» OF JUAN LUIS VIVES – LATIN LANGUAGE PRACTICE

Ревякина Н.В.

Профессор Ивановского государственного университета, доктор исторических наук
E-mail: nvrevyakina@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье речь идет о диалогах Хуана Луиса Вивеса. Диалоги, написанные в 1539 г., пользовались огромной популярностью и выдержали за полстолетия около 50 изданий. Это своеобразный учебник, с помощью которого учащиеся глубже осваивали латинский язык. В отличие от «Разговоров запросто» Эразма Роттердамского, где представлены подчас пространные рассказы на самые разные жизненные темы, у Вивеса в кратких диалогах обсуждаются ситуации главным образом из школьной жизни. Вниманию читателей представлены переводы диалогов, выполненные автором статьи.

Ключевые слова: учебник, Хуан Луис Вивес, гуманистическая педагогика Возрождения.

Revyakina N.V.

Professor at the Ivanovo State University,
Doctor of science (History)
E-mail: nvrevyakina@yandex.ru

Annotation. The Dialogues, written by Juan Luis Vives in 1539, were widely popular and have run through nearly 50 editions in half a century. The work can, in a way, be viewed as a textbook, which the students used to master the Latin language. In contrast with the «Colloquies» of Erasmus of Rotterdam, which constitute lengthy narratives touching on various everyday-life topics, Vives' concise dialogues concentrate on situations that mainly concern school life. The author presents her own translation of «The Dialogues».

Keywords: textbook, Juan Luis Vives, humanistic pedagogics of the Renaissance.

Об испанском гуманисте Хуане Луисе Вивесе (1492–1540) в отечественной науке известно не так много¹. Между тем этот выдающийся педагог и просветитель оказал сильнейшее влияние на развитие педагогической и общественной мысли Европы.

Вивес родился и получил образование в Валенсии (Арагон), затем учился в Парижском университете, по окончании которого трудился частным преподавателем, после работал в Колледже трех языков в Лувене, в колледже Корпус Кристи Оксфорда, куда прибыл по приглашению канцлера Англии кардинала Уолси и откуда был вынужден уехать в связи с участием на стороне королевы в разразившемся скандале, касавшемся расторжения брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской. Последние 20 лет жизни Вивес жил в Брюгге, поддерживал отношения с Томасом Мором, с которым познакомился в Англии, и Эразмом Роттердамским. В Испанию он больше никогда не возвращался. Его отец, обвиненный в тайном иудействе, был сожжен на костре в 1524 г., мать получила после смерти такой же приговор. Вивес, в сущности, стал гражданином мира.

Еще в Париже Вивес написал трактат «Против фальшивых диалектиков» (*Adversus pseudo-dialecticos*), где выступил с критикой философов-схоластов, полемика с которыми продолжится и в других его работах, в частности в трактате «О причинах упадка искусств» (*De causis corruptarum atrium*, 1531). К этой инвективе Вивес добавил две части – о передаче знания (в 5 книгах), о содержании знания (в 8 книгах). Три части были объединены вместе и составили педагогический трактат в 20 книгах, появившийся в 1531 г. под названием «*De tradendis disciplinis*». Он стал главным педагогическим трудом гуманиста. Вместе с тем перу Вивеса принадлежат и другие работы по педагогике, психологии, общественной тематике².

На развитие идей воспитания оказали влияние мысли Вивеса об общественной школе, о расширении понятия знания за счет включения наук о природе, о важности наблюдения и эксперимента. Вивес определил роль родного языка на ранних стадиях обучения, ввел в обучение современную литературу – труды по грамматике Ф. Газы, Л. Валлы, В. Лили, Т. Линакра и др., а также словари. Заслуживают внимания и его наблюдения в области психологии ребенка.

Среди педагогических работ Вивеса особое место занимают диалоги «Практика латинского языка»³. Написанные в 1539 г., они пользовались огромной популярностью,

¹ См. [4, 1]. Из сочинений Вивеса на русский язык переведены В. Бибихиным и сопровождаются его вступительной статьей и комментариями фрагменты из трактата «О причинах упадка искусств», составляющего основную часть главного труда Вивеса «*De disciplinis tradendis*» (см. [8]); трактат «О наставлении юношей» – переведен и снабжен вступительной статьей и комментариями Н.В. Ревякиной: [2]. См. также: [5].

² Из работ Вивеса можно выделить педагогические труды: «О способе занятий с детьми» (*De ratione studii puerilis*, 1523), «Путеводитель к премудрости» (*Introductio ad sapientiam*, 1524) (переведен на русский язык в 1768 г.), «О наставлении женщины-христианки» (*De institutione feminae christianae*, 1523), работу психологической направленности «О душе и жизни» (*De anima et vita*, 1538), где приводятся психологические наблюдения над ребенком, результаты изучения особенностей его памяти, темперамента и др.; общественным проблемам посвящена работа «О вспомоществовании бедным».

³ Идея познакомить отечественного читателя с диалогами Вивеса «Практика латинского языка» принадлежит В.Г. Безрогову, высоко оценившему этот труд Вивеса. В статье использовано первое издание работы Вивеса [11]. В книге А. Бёмера [9, s. 163] указано несколько изданий труда Вивеса 1539 г.

многократно издавались в XVII–XVIII вв.⁴ и выдержали за это время 49 изданий. Диалоги – это своеобразный учебник, с помощью которого учащиеся могли глубже осваивать латинский язык. По своему значению они сходны с «Разговорами запросто» Эразма Роттердамского. Но в отличие от работы Эразма, где, по словам С.П. Маркиша, открывается образ мира и цельное и стройное мироощущение автора [7, с. 8, 13], в диалогах Вивеса обсуждаются ситуации главным образом из школьной жизни. Эразм был первым гуманистом, кто предложил использовать в школьном образовании форму бесед или диалогов, называемых *colloquia*.

Первая версия работы Эразма Роттердамского появилась в 1516 г., потом последовала дополненная (в 1523 г. и последующие годы). В 1530 г. Себальд Хейден (Heyden, 1499–1561) опубликовал собственные «Правила детских бесед» (*Formulae puerilium colloquiorum*). Диалоги начинаются с утреннего приветствия, далее обсуждаются разные аспекты школьной жизни. Латинский текст сопровождается немецким переводом. В 1539 г. появляются диалоги Вивеса «Практика латинского языка», тоже посвященные в основном школьной жизни. В них отсутствует перевод на национальный язык, главная задача – помочь лучшему усвоению латинского языка.

В то же время в трактате «*De tradendis disciplinis*» Вивес обсуждает место национального языка на первых стадиях школьного образования [10, с. 436–437]. По его мнению, латинский язык должен быть основой образования, но преподаватель обязан знать родной язык учеников так глубоко, чтобы сделать собственное преподавание с помощью родного языка более легким и приятным, ибо ясное изложение на родном языке приведет к точности в латинском изложении. После диалогов Вивеса в 1564 г. выходят «Избранные беседы» (*Colloquia selecta*) французского автора Кордериуса (Матюрэна Кордье), который многое взял у Вивеса и не стал прибегать к параллельному переводу на вольгаре.

Диалоги Вивеса посвящены Филиппу (1527–1598), сыну императора Карла. В момент выхода книги Филиппу было 13 лет, королем он стал в 1556 г. В предисловии Вивес говорит о пользе латинского языка, на котором величайшими умами созданы все науки, и овладеть ими можно только через знание латыни. Поэтому Вивес и написал для пользования латинским языком первое упражнение по устной речи, которое должно было стать полезным детям. Вивес посвятил его Филиппу по причине высокого благоволения императора к Вивесу, а также потому, что формированием души Филиппа в добрых нравах надеялся оказать большие услуги своей родине Испании, чье спасение – в честности и мудрости Филиппа, будущего короля [11, р. 2].

В первых 15 диалогах из 25 участники (учащиеся, их родители, наставник, надзиратель) рассматривают темы, связанные с утренним подъемом детей, первым приветствием, подготовкой к школе, самой школой, содержанием образования, обучением письму и относящимися к нему орудиями письма, возвращением домой, отдыхом, одеждой школяров. В последующих диалогах наряду со школой и образованием обсуждаются вопросы

⁴ В книге Бёмера даны ссылки на многочисленные издания диалогов в XVI, XVII, XVIII, к XIX в. относятся только три издания [9, s. 163–167].

образования и воспитания принца, королевский двор, обеденный зал, пьянство, игра в карты, тело человека и в самом конце принципы воспитания.

Судить о работе Вивеса трудно, не познакомившись с ней целиком. Наши наблюдения будут касаться только материала переведенных диалогов – 2, 5, 8, 10, где речь идет о подготовке к школе и начале обучения (знакомстве с азбукой), отдыхе школьников, которые, усевшись на пнях около старой стены и на самой стене, беседуют на разные темы и наблюдают за дорогой и пешеходами. В одном из диалогов говорится об умении писать, значении писем и переписки, рассматриваются орудия письма (стили, перья), материал для письма (пергамен, бумага, ее виды и качество), чернила, правильное написание букв.

Поскольку латинский язык в это время являлся основным языком образования, языком письменности, диалоги способствовали лучшему знанию языка, обогащали лексику, давали понимание тонкостей языка. В главе «Чтение» начинающие школьники получают представление о буквах (гласных, согласных), слогах, образуемых сочетанием гласной с другими буквами), а также слова и речи. В этой же главе объясняется, почему школа называется *ludus* – «игра». «Это действительно игра, но игра *literarius* (относящаяся к буквам, письму), потому что здесь надо играть буквами, в другом месте – мячом, обручем с бубенчиками, костями» [11, p. 12]. По-гречески, замечает школьник, как он слышал, школа называется *schola*, дословно *ocium* – досуг, «потому что истинный досуг и покой души – проводить время в занятиях (*in studiis*)» [11, p. 12].

В главах предлагаются разные названия одного понятия. Так, для обозначения учителя используются слова *magister*, *institutor*, *preceptor*; соловей называется *philomela*, *luscinia*, *lusciniola* (соловушка). Объясняются многозначное *vulgus* (множество, народ) и *decoquere* (сгореть, прогореть), выступающее в значении «разориться», но понимаемое школьником как «жарить, пригореть». Нередко в перечислении специально дается много прилагательных, с помощью которых описываются разные вещи, например состояние человека: *exsuccus* – вялый безжизненный, *exsanguis* – истощенный, изнуренный, *luridus* – восковой, изжелта-бледный, *imbecillus* – немощный, *horridus* – непричесанный, косматый, *trux* – угрюмый, неприветливый [11, p. 28].

Помимо знаний о языке диалоги предоставляют немалый познавательный материал, важный для образования школьника. В диалоге «Письмо» учитель рассказывает, как в глубокой древности писали стилем, на смену которым пришли каламы (тростниковые палочки), затем гусиные перья. Он говорит и о материале для письма – пергамене, разных сортах бумаги – итальянской (наилучшей, тончайшей и крепкой), французской (обычной и всюду продаваемой), оберточной (*emporetica*, *bibula*), о чернилах и чернильницах. По просьбе учеников он объясняет, как очинить перо, как держать его. В написанном учениками тексте, который в данном диалоге предложен как образец с заданием переписать его, учитель исправляет ошибки и рассказывает, как надо правильно писать буквы, переносить слова.

В диалогах дана высокая оценка образованию. В самом начале отец говорит сыну, что тот станет человеком только в школе [11, p. 6], то есть получив образование.

В дальнейших разговорах с образованием связывается благородство. Истинное благородство приобретает именно образованностью: «Истинно благородными, – говорит учитель своим ученикам из знатных родов, – вы будете лишь тогда, когда возделаете души

этими искусствами, наиболее достойными для славных от рождения» [11, p. 39]. Далее идет критика в адрес знати: благородные надеются, что они станут тем родовитее, чем более неумело (*imperitius*) будут писать буквы. И удивляться этому не приходится, с тех пор как благородные убеждены, что нет ничего презреннее и ничтожнее, чем что-то знать. Подписи благородных в письмах, составленных их писцами, нельзя разобрать, нельзя понять, от кого письмо [11, p. 39]. Это говорит учитель. А до него тему поднимают ученики, беседуя друг с другом и замечая, что для большей эрудиции (образованности) нет ничего выгоднее, чем хорошо и быстро писать, но «этому предписанию не следует множество нашей знати, которая считает для себя прекрасным и достойным не уметь писать буквы, пишет, ты бы сказал, как курица лапой, и, если заранее не напомнить, чья рука, ты никогда не угадаешь».

К этим, в сущности, гуманистическим мыслям о благородстве присоединяется своеобразная критика схоластики. Ученики еще не в состоянии критиковать учение схоластов, магистров Парижского университета, но объектом их нападков становятся их одежды – «грубые, потертые, рваные, грязные, изъеденные вшами». Это философы-киники, говорит один из учеников, а другой замечает: вернее, *simici* (насекомые, клопы), а не перипатетики, которыми они страстно желают казаться, ведь глава школы Аристотель был культурнейшим человеком. И школяр говорит «надолго прощай» философии, если по-другому, чем они, невозможно стать философом [11, p. 27]. Известно, что Вивес отрицательно относился к парижским философам-схоластам (еще в 1519 г. он написал трактат «Против фальшивых диалектиков»). И вот через 20 лет он вспомнил о них в наставлениях для школьников.

В переведенных нами диалогах встречаются ссылки на античных авторов – Вергилия, Плиния, Цицерона, Аристотеля, Квинтилиана, Ювенала, Овидия, Марциала, а из гуманистов – на Л. Валлу.

Диалоги дают огромный материал, касающийся бытовых представлений. В диалоге перед читателем предстает мальчик, оборвавший сливы у огородника и спасающийся от его собаки. Родители другого мальчика ссорятся из-за висячего сада, который мать, вопреки настоянию отца, никак не хочет убирать. Она пытается привлечь на свою сторону сына, который и слова сказать против отца не смеет. Разгневанная мать отправляет сына в школу на четыре полных дня и заявляет ему, что он ей не родной сын, что его подменила кормилица и теперь ту привлекут к суду уголовного претора.

В другом месте у одного из школьников соученик «с крючковатыми и вороватыми руками» стащил цицероновы «Тускуланские беседы», которые обнаружили у мелкого торговца «до того искаженными, что я не узнал» (видимо, это была поврежденная рукопись либо ее некачественная копия).

Здесь и фольклор – рассказ о том, почему соловей в присутствии людей поет продолжительнее и старательнее: кукушка и соловей поют в одно и то же время, с середины апреля до конца мая. Судьей в их соревновании о сладости звучания был осел, поскольку спор шел о звуке, а у осла большие уши. Осел, который был не в состоянии понять гармоническое звучание соловьиной песни, присудил победу кукушке. И соловей обращается к человеку и поет так старательно, дабы доказать, что осел судил несправедливо и эту несправедливость надо исправить.

Здесь и бытовое суеверие – перепрыгивание беременных женщин через подземный поток, образовавшийся после падения (сброса) колокола, и фантастический рассказ о жене графа Батавии: из-за проклятия нищенки, которая просила у графини милостыню, придя к ней со всеми своими детьми, и которую та с бранью прогнала, обвинив в разврате, поскольку от одного мужа нельзя родить столько детей, графиня за один раз родила столько детей, сколько дней в году.

В диалоге «Болтающие» весьма любопытны наблюдения за людьми, проходящими по дороге, за судьбой товарищей, которые оставили обучение. Одного отец приставил к торговле шерстью, тканями, вайдой, перцем, имбирем, корицей, и он трудится в лавке, встречает посетителей приветливо, выпроваживает неугодных, выставляет товары, поворачивает, переворачивает, обманывает – это все легче, чем учиться. «Он предпочел ничтожную выгоду превосходству образования. Когда-нибудь он в этом будет раскаиваться» [11, р. 28–29]. Отношение к нему товарищей, как видим, весьма критическое.

Другой пример: Клодий безнадежно влюбился – «оставив серьезные и надежные занятия, он всецело предался сладострастной поэзии, латинской и на народном языке». Огонь этой поэзии зажег его душу, и он тут же воспламенился. Этим школьники объясняют его влюбленность. «О, Христос, отврати от наших душ столь пагубную болезнь», – говорит один из них. Теперь Клодий безумствует, гуляет в одиночестве, что-то напевает, играет на музыкальном инструменте, пишет стихи на родном языке. Кажется, товарищи даже жалеют его и надеются, что к нему вернется благоразумие [11, р. 28]. Стихотворец Маний, которого школяры видят на дороге, «перешел от Минервы к Диане», обратился к разведению лошадей и к охоте, «не иначе решив, что сможет поймать благородство рода, будто, сделав что-то полезное, не считался бы за благородного» [11, р. 26]. Идущий за охотником весьма ученый Курий – «известнейший игрок в кости, который умеет правильно бросать игральные кости, чтобы они падали так, как сам захочет» [11, р. 26]. Подобная характеристика игрового шулера дополняется и сообщением о живущем у него в доме приятеле Триконгиусе.

В связи с Триконгиусом встает вопрос о шутках, юморе, сатире в диалогах. Триконгиуса ученики называют «амфорой», «губкой», «сухим песком Африки». Амфора – мера жидкости, а конгиус – 1/8 амфоры, губка хорошо впитывает влагу, как и африканский песок, – в итоге получается характеристика человека, всегда испытывающего жажду, «всегда готового пьянствовать». Любопытна ирония по поводу принадлежности бывшего ученика к роду Коклитов. Коклес (одноглазый, кривой) – когномен римского героя, защищавшего мост от этрусской армии Порсены. Это родовое имя характеризует школяра, по мнению учеников, не столько как благородного мужа, сколько как доброго стрелка, легко достигающего цели, или плотника, который одним глазом ведет по прямой линии красный мелок.

Подводить итоги на основе части переведенных диалогов рано. Можно только надеяться, что дальнейшая работа с диалогами позволит выявить главные идеи педагогики Вивеса и их гуманистическое содержание, глубже изучить методы использования латинского языка и оценить материал, обогащающий знания школьников в его связи с современной автору и древней литературой, а также с событиями того времени.

ХУАН ЛУИС ВИВЕС. ПРАКТИКА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Хуан Луис Вивес

Филиппу, сыну наследника императора Карла*, с благим пожеланием

Польза латинского языка очень велика и для речи, и для правильного мышления. Ибо он словно некая сокровищница всяческой эрудиции, поскольку /именно/ на латинском языке написали великие и выдающиеся умы все научные сочинения, каковых никто не может постичь, иначе как через знание этого языка. По каковой причине я охотно соглашусь среди занятий серьезными науками помочь и в этой части первому опыту детства. Я написал первое упражнение по устной речи (loquendi), надеюсь, полезное детям при пользовании латинским языком. Я посвящаю его тебе, венценосному мальчику, как из – за высокого благоволения твоего отца ко мне, так и потому, что формированием твоей души в добрых нравах окажу очень большие услуги Испании – моей родине, чье спасение в твоей честности и мудрости. Но об этом ты услышишь обстоятельнее и содержательнее от Мартина Силицео, твоего наставника.

2. ПЕРВОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

*Мальчик (сын), отец, мать, [Изабелла]**.*

С.: Здравствуй, мой отец, здравствуй, моя матушка, желаю вам счастливого дня, роденькие. Милости Христа желаю вам, сестрицы.

О.: Сын мой, пусть спасет тебя Господь; пусть вознесет к замечательным добродетелям.

М.: Пусть спасет тебя Христос, мой свет. Что ты делаешь, мой сладкий? Как ты себя чувствуешь? Как спал этой ночью?

С.: Чувствую себя хорошо и спал спокойно.

М.: Да пребудет с тобой благодать Христа.

С.: В середине ночи я, однако, был разбужен головной болью.

М.: Я расстроена и несчастна! Что расскажешь? В какой части головы?

С.: В темени.

М.: Как долго?

С.: Едва ли 1/8 часть часа, потом я уснул и больше ничего не чувствовал.

М.: Я пришла в себя, ибо ты меня в успокоил.

С.: Я рад, что тебе лучше; Изабеллочка, приготовь мне легкий завтрак. Русцио, Русцио! Здесь веселый песик. Как хвостом виляет! Как встает на задние лапы! Как живешь, как чувствуешь

* Сын испанского короля (Карла I), императора Священной Римской империи Карла V Филипп (1527–1598), будущий король Испании Филипп II (с 1556 г.) в момент написания диалогов был 12-летним подростком.

** В оригинале Изабелла не указана при перечислении участников диалога, но фигурирует в нем. Судя по обращениям к ней других героев, это служанка.

себя? Эй, если ты принесешь один – другой кусок хлеба, чтобы дать ему, увидишь забавнейшие игры. Не голоден? Разве ничего не ел сегодня? Действительно, в этой собаке больше ума, чем в жирном погонщике мулов.

О.: Мой Туллио, мне с тобой хочется немного побеседовать.

С.: К чему [ты это говоришь], мой отец? Ведь для меня не может быть ничего сладостнее, чем слушать тебя.

О.: Этот твой Русцио – животное, разве он человек?

С.: Думаю, животное.

О.: Как ты думаешь, почему ты человек, а не он? Ты ешь, пьешь, спишь, гуляешь, бегаешь, играешь. Он все это [тоже] делает.

С.: И все же я человек.

О.: Как ты об этом знаешь? Чего у тебя теперь больше, чем у собаки? Но важно то, что он не может стать человеком, ты можешь, если хочешь.

С.: Прошу, отец мой, докажи это сразу же.

О.: /Это/ происходит, если оттуда, куда приходят животными, возвращаются людьми.

С.: Я пойду, отец, очень охотно, но где это?

О.: В школе (in ludo literario).

С.: В таком деле я никак не медлю.

О.: И я. Изабеллочка, слышишь? Дай ему легкий завтрак в ящичке (сундучке).

Изабелла: Что?

О.: Кусок хлеба с маслом, сухие фиги, на закуску виноград, но высушенный на солнце, – другой липкий, пачкает пальцы и одежду мальчиков. Разве лишь он предпочтет немного вишен или золотистые продолговатые сливы. Приделай ручку к ящичку, чтобы он не упал (не выскользнул [из рук]).

5. ЧТЕНИЕ (ЛЕСТИО)

Наставник, Лузий, Эсхин, Мальчики, Котта.

Наст.: Возьми букварь в левую руку и эту палочку, которой будешь указывать отдельные буквы, выпрямись (стой прямо), шапку положи за пазуху, слушай очень внимательно, как я буду называть эти буквы, наблюдай тщательно за движением губ. Смотри и повторяй совершенно так же [как и я], когда я потребую. Будь со мной. Ты уже слышал. Следуй теперь моим предписаниям в конкретных вещах. Ты хорошо понимаешь?

Луз.: Мне кажется, достаточно.

Наст.: Каждая [вещь] из тех [что в букваре] называется буква. Из них пять букв – гласные А, Е, I, О, U, по-испански они – oеeіа, что есть ovis*. Запомни это слово. Такая буква с какой-либо одной или со многими другими создает слог (syllaba), без гласных слога не создать, и сама гласная нередко есть слог. А все другие буквы называются согласными, потому что сами по себе они

* Учитель прибегает к мнемотехнике, предлагая ученикам запомнить гласные с помощью их соединения в слово, означающее «овца».

не звучат, если не присоединяется гласная, ибо имеют звук несовершенный и неполный (недостаточный). Таковые В, С, D, G, которые без E звучат недостаточно. [И] уже из слогов происходят voces (звуки) или слова, из них – речь, которой лишены все животные. И ты не отличался бы от животного, если бы не научился хорошей речи. Бодрствуй, деятельно занимайся усердной работой. Иди, садись со своими соучениками, изучай, что наметил.

Луз.: Мы сегодня не играем?

Эсх.: Нет, ведь это день, когда надо работать. Эй, ты полагаешь, что пришел сюда для игры? Это место не для игры, а для занятий.

Мальчики: Почему тогда называется игра (ludus)?

Эсх.: Называется действительно игра, но игра, относящаяся к азбуке (буквам) (literarius), потому что здесь надо играть буквами, в другом месте – мячом, обручем с бубенчиками, костями. И я слышал, что по-гречески она называется schola (школа), словно досуг (ocium), потому что истинный досуг и покой души – проводить время в занятиях (in studiis). Но будем изучать то, что предписал наставник, говоря тихо, чтобы не мешать друг другу.

Луз.: Мой дедушка, который некогда учился в Болонье, учил меня, что лучше укореняется в памяти то, что желаешь, если произносишь [это] громче, и подтверждал авторитетом какого-то Плиния*.

Эсх.: Если кто хотел бы изучить его предписания так, пусть удаляется в сады или на церковное кладбище, – там пусть кричит, чтобы разбудить мертвых.

Кот.: Разве изучать означает болтать, браниться? Идите, собирайтесь все у учителя по его указанию.

8. БОЛТОВНЯ (БОЛТАЮЩИЕ)

Нуго, Граккул, Турд, Бамбалио, надзиратель

Нуго: Сядем на это бревно. Ты, Граккул, – на виду, на ту каменную стену, только чтобы не мешал нам видеть проходящих мимо. Погреемся у этой стены, замечательно открытой солнцу. Какой огромный пень! И для чего он нужен?

Тур.: Чтобы мы здесь сидели.

Нуг.: Должно быть дерево, откуда он взят, было очень высоким и толстым.

Тур.: Какие бывают в Индии.

Грак.: Оттуда ты знаешь, ты что, был в Индии с испанцами?

Тур.: Словно ты не можешь так или иначе знать что-то о стране, если не был в ней. Но я предьявлю тебе моего знатока. Плиний пишет, что в Индии растут такие высокие [деревья], что до их вершины не долетит стрела, а жители не медлят, беря колчаны [со стрелами], как говорит Вергилий**.

* Ученики, только начинающие учиться, еще не знают Плиния, но в последующих диалогах его имя будет встречаться неоднократно.

** Вергилий. Георгики. Кн. 2, 123–125 «...В Индии, где никогда, взлетев, вершины древесной/ не достигала стрела, откуда б ее ни пустили/ Люди, однако ж, там ловки, как схватят колчаны!»

Нуг: Плиний также пишет, что конный отряд (турма) укрывается под ветвями [таких деревьев].

Тур: Никто этому не удивится, кто посмотрит на тростник (scirpus) той страны, который бедные и богатые [используют] для опоры при ходьбе.

Грак: Послушай, который час?

Нуг: Никакой. Ведь колокол теперь сброшен [на землю], ты присутствовал?

Грак: Не осмелился, ведь говорят, что это опасно.

Нуг: Я был и видел, как многочисленные беременные женщины перепрыгивали через поток (canalem fusionis), который возник [от падения колокола?] под землей.

Тур: Я слышал, что это для них целительное средство /полезное для здоровья/.

Грак: Это философия прялки, как говорят. Но я спрашивал о времени.

Нуг: Зачем тебе время? Разве лишь желаешь что-то делать, пока есть удобный случай, есть час [для этого]. Но где твои дорожные часы?

Грак: Недавно я потерял их, когда бежал от собаки огородника, у которого оборвал сливы.

Тур: Я видел из окна, как ты бежал, но куда ты вернулся, разглядеть не смог, так как мне мешал висячий сад (hortus pensilis). Его прикрепила там мать, хотя отец не желал этого и сильно протестовал. Мать же упорно настаивала на том, чтобы он остался.

Нуг: А что ты? Молчал?

Тур: Плакал молча. Действительно, что другое я мог сделать, когда самые дорогие мне люди расходятся во мнениях? Однако мать приказала мне не вставать на сторону отца и усердно кричать [вместе с ней], но мне вообще [даже] выступить против отца было не по душе. А потому разгневанная мать послала меня в школу на четыре полных дня. Она клялась, что я не от нее рожден, но подменен кормилицей, за что, по словам матери, она привлечет кормилицу [к суду] уголовного претора.

Нуг: Какая власть у уголовного претора? Разве не всякий претор имеет гражданские права?

Тур: Почему я знаю? Так она сказала.

Грак: [Смотрите], кто те люди, одетые в дорожные плащи и защищенные поножами?

Нур: Галлы*.

Грак: Что? Разве не мир (сейчас)?

Тур: Они рассказывали о будущей войне, притом жестокой.

Грак: Что они приносят?

Тур: Вино.

Нуг: Многих развеселят.

Грак: Надо думать, не только вино веселит, но мысль и воспоминание о вине.

Нур: Повсюду пьяные, а для меня, пьющего воду, это неважно (безразлично).

Грак: [Тогда] ты никогда не споешь доброй песни.

Тур: Ты знаешь эту женщину?

Грак: Нет, кто она?

Тур: С ушами, заткнутыми хлопком.

Грак: Почему так?

* Французы.

Тур.: Чтобы ничего не слышать, потому что слышит плохое.

Нуг.: Сколь многие [женщины] слышат открытыми и хорошо просверленными (пробуравленными) ушами наихудшее.

Тур.: Думаю, к этому можно отнести то, что сказано у Цицерона в «Тускуланских беседах»: «Глуховат был М. Красс, но хуже то, что он плохое о себе слышал»*.

Нуг.: Нет сомнения, что это должно быть отнесено к дурным слухам. Но послушай, Бамблио, ты нашел свои «Тускуланские беседы»?

Бам.: Да, у мелкого торговца /в мелочной лавке/, до того искаженными, что я не узнал.

Нуг.: Кто украл их?

Бам.: Ватиний, пусть ему плохо будет!

Грак.: А! Человек с крючковатыми и самыми вороватыми руками. Никогда не допускай его к своим ящикам, ларцам, где хранятся рукописи, если хочешь, чтобы все было в целости. Разве не знаешь, что люди считают его вором (*crumenifescam*) и в воровстве он был обвинен начальником гимназии?

Нур.: [А] сестра той девушки родила близнецов.

Грак.: Чего удивительного? Некая женщина на Соляной дороге к *leonem galeatum*** родила третьего дня тройню.

Нуг.: Плиний говорит, что может появиться до семи детей.

Тур.: Кто из вас слышал о жене графа Батавии? Сообщают, что она за одни роды, очень трудные, из-за проклятия какой-то нищей родила столько детей, сколько дней в году.

Грак.: Что это была за нищая?

Тур.: Эта нищенка, обремененная детьми, просила у графини милостыню. Та, когда увидела столько детей, с бранью прогнала ее, крича о разврате. Ведь она не верила, что от одного мужа нищенка родила такое потомство. Невинная нищенка молила богов, чтобы, узнав, как она нравственно безупречна и чиста, они дали графине от ее мужа столько детей за одни роды, сколько дней в году. Так и случилось, и в некоем городе того острова появилось то многочисленное потомство.

Грак.: Предпочитаю верить, чем разузнавать.

Нуг.: У Бога все возможно.

Грак.: Мало того, легче [в исполнении].

Нуг.: Ты не узнал того нагруженного сетями [человека] в широкополой шляпе, который в сопровождении собак ведет тощую клячу?

Тур.: Не стихотворец ли это Маний?

Нуг.: Точно, он.

Тур.: Откуда же столь сильная метаморфоза?

Нуг.: Он от Минервы перешел к Диане, то есть от честнейшего занятия – к пустой и глупой работе. Его отец расширил дело по производству товаров. Он, считая отцовское ремесло

* Цицерон. Тускуланские беседы. V. Кн. XL (116): «Глуховат был Марк Красс, но глуховат несчастливо: то, что против него говорилось дурного, он слышал, даже если это бывало (как мне кажется) несправедливо».

** Скорее всего, здесь имеется в виду название городка или статуя льва в шлеме где-нибудь на дороге.

для себя позорным, обратился к разведению лошадей и к охоте, не иначе решив, что сможет поймать благородство рода, будто, сделав что-то полезное, не считался бы за благородного. За этим охотником следует Курий, весьма ученый, известнейший игрок в кости, который умеет правильно бросать игральные кости, – чтобы они падали, как сам хочет. Дома у него в приятелях Триконгиус.

Тур.: Вернее сказать, амфора.

Грак.: Мало того, губка.

Нуг.: Вернее, сухой песок Африки*.

Бам.: Говорят, он всегда испытывает жажду.

Нуг.: Не знаю, жаждет ли он, [но] действительно, всегда готов пьянствовать.

Бам.: Послушай соловушку.

Грак.: Но где?

Бам.: Не видишь, он сидит на той ветке? Послушай, как пылко поет, не прерываясь.

Нуг.: Соловью непозволительно петь горестно.

Грак.: А почему не насвистывать ему удивительно сладостно, ведь он из Аттики? Там даже морские волны не без ритмичности ударяются о берег.

Нуг.: Плиний пишет, что в присутствии людей он поет продолжительнее и старательнее.

Тур.: В чем причина?

Нуг.: Я открою тебе причину. Кукушка и соловей поют в одно и то же время, именно весной, с середины апреля до конца мая. Эти две птицы соревновались в сладости звучания. Нашелся судья: поскольку спор был о звуке, самым пригодным в знании его оказался осел, который имел, по сравнению с прочими животными, большие уши. Осел, отвергнув соловья, гармонию чьей песни он не смог понять, присудил победу кукушке. Соловей обращается к человеку, которого там видит, тотчас сообщает о своем деле, поет так старательно, чтобы доказать, что осел допустил несправедливость, которую нужно устранить.

Грак.: Считаю это делом, достойным поэта.

Нуг.: Как же так? Ты [ведь] ждал, что оно достойно философа? Спроси об этом у новых парижских магистров.

Грак.: Многие из них философы одеждой, а не мозгами**.

Нуг.: Почему же одеждами? Ведь ты сказал бы [так] скорее о поварах или мельниках.

Грак.: Потому что они носят свои [одежды] грубыми, потертыми, рваными, грязными, неприятными изъеденными вшами.

Нуг.: Стало быть, они будут философами-кинниками.

Грак.: Вернее, *simici* (насекомыми, клопами), не перипатетиками, которыми они страстно желают казаться. Ведь Аристотель, глава школы, был культурнейшим. Что касается меня, я уже

* Здесь выпад против Триконгия и, возможно, игра с его именем. Амфора и конгий – меры жидкости (конгий – 1/8 амфоры). Губка – род пористого камня, то есть то, что хорошо впитывает. Сухой песок Африки наводит на мысль о жажде. И далее действительно говорится о жажде и пьянстве Триконгия.

** Отрицательное отношение Вивеса к парижским философам-схоластам хорошо известно. Еще в 1519 г. он написал против них трактат «Против фальшивых диалектиков» (*In pseudo-dialecticis*). Парижская школа для него подобна «впавшей в слабоумие восьмидесятилетней старухе».

теперь говорю «надолго прощай» философии, если по-другому [чем они] не могу быть философом. Ибо что прекраснее и достойнее человека, чем чистота и некая пристойная забота о пище и одежде? В этом, на мой взгляд, лувенцы опережают парижан.

Тур.: А что ты [сам думаешь]? Не считаешь, что излишняя забота о чистоте и изяществе является помехой для занятий?

Грак.: Я по крайней мере чистоту одобряю, тщательную и мелочную заботу о ней отвергаю.

Нуг.: Ты осуждаешь изящество? О нем столь пространно писал Валла*, и его так тщательно рекомендуют нам наши наставники.

Грак.: Одно есть изящество в речи, другое – в одежде.

Тур.: Знаете, что мне рассказывал посыльный из Лувена?

Нуг.: Что же?

Тур.: Что Клодий безнадежно влюблен в какую-то девушку и что Луско перешел от занятий (в школе) к торговле, то есть от лошадей к ослам.

Нуг.: Что я слышу?

Тур.: Клодия все знали полным соком, румяным, хорошо одетым, веселым, улыбающимся, товарищем, приятным собеседником. Теперь, говорят, он сухой (вялый), истощенный, бледного, даже воскового цвета, немощный, растрепанный, угрюмый, молчаливый, избегающий света и человеческого общения; никто, кто видел его прежде, уже не узнал бы его.

Нуг.: О жалкий юноша! Откуда это зло?

Тур.: От любви.

Нуг.: А откуда [его] любовь?

Тур.: Насколько я мог узнать из слов посыльного, он, оставив серьезные и надежные занятия, всецело предался сладострастной поэзии, латинской и на народном языке. Оттуда первая подготовка души, как если бы какая-то искра, сколь бы ни была она мала, упала на горючий материал, и он тут же воспламенился, как пакля, – [и] предался бездеятельности и досугу.

Нуг.: Считаешь ли нужным сказать что-то о более значительных обстоятельствах его влюбленного состояния (amandi)?

Тур.: Сейчас он безумствует, часто гуляет в одиночестве, но всегда или молча или что-то напевая и играя на музыкальном инструменте, пишет стихи на родном (vernaculo) языке.

Нуг.: Надо думать, их читала бы сама Ликорида**.

Грак.: О, Христос, отвори от наших душ столь пагубную болезнь.

Тур.: Если меня не обманывает ум Клодия, он когда-нибудь станет благоразумным, его душа в беспутстве странствует, [но] не обитает /не находится постоянно/.

Грак.: А тот другой (Луско), какой торговлей занимается?

Тур.: Он послал к отцу письмо, где рассказал о жалком положении с занятиями. Письмо, а оно было открыто, прочитал сам посыльный. Отец, человек малообразованный, приставил его

* Вивес пишет о трактате итальянского гуманиста Лоренцо Валлы «О красотах латинского языка» (1440).

** Ликорида – вольноотпущенница и актриса, возлюбленная триумвира Антония, а затем элегического поэта Корнелия Галла, создателя жанра любовной лирики у римлян.

по документам (а chartis) к шерсти, тканям, вайде, перцу, имбирю, корице. Теперь он, подпоясав брюки, чрезвычайно тщательный и неутомимый в своей ароматической таверне призывает посетителей, встречает приветливо, поднимается, спускает с лестницы весьма небезопасных, выставляет свои товары, поворачивает, переворачивает, обманывает, дает ложную клятву – ему все легче, чем учиться. С детства я знал, что он расчетлив /бережлив/, радуется мелкой монете, поэтому он предпочел ничтожную выгоду превосходству образования. Когда-нибудь он в этом будет раскаиваться.

Тур.: Но с запозданием.

Нуг.: Несомненно. Пусть заранее позаботится, чтобы не случилось с ним того, что случилось с его двоюродным братом.

Тур.: С кем?

Нуг.: С Антонио во Фруктовом переулке у Трех галок. Ты не слышал, что он в прошлом году прогорел?

Грак.: Почему прогорел, скажи на милость? Разве это такое большое зло? Разве не ежедневно это случается во всех кухнях?

Тур.: Дело прогорело.

Грак.: Какое дело?

Тур.: Чужое, он разорился.

Грак.: Неужели ничего не вернул кредиторам?

Тур.: По соглашению он вернулся в убежище и отдал свои книги одну за другой по три унции за каждую.

Грак.: Это ты называешь прогореть? Хотя нет ничего грубее /некультурнее/. Но каким образом он прозевал?

Тур.: Я слышал недавно от отца, однако не достаточно понял. Отец рассказывал, что он для покрытия долга сделал опасные займы, которые содрали с него кожу и сожрали до костей.

Грак.: Зачем заем? Что значит «сдирать кожу»?

Тур.: Я действительно не знаю, думаю, что-то [связанное] с воровством.

Нуг.: Видишь того толстого? Наверное, считаешь, что он едва ли может передвигаться, а он эквилибрист и канатоходец.

Грак.: Ах, молчи, ты рассказываешь невероятные вещи.

Тур.: Не сам же своим телом он [действует], но пятками.

Грак.: А что-то другое из новостей сообщил посыльный о наших товарищах?

Тур.: Также о Гермогене, который в любом нашем диспуте всегда показывал себя одним из первых. Он удивительно изменился и из талантливейшего и (как возраст его показал) ученейшего сделался недавно очень медлителен умом и невежествен.

Нуг.: Я видел, что такое часто случается с некоторыми неглупыми людьми.

Бам.: Говорят, что это происходит, когда не является прочной (твердой) острота ума, подобно тому как в ножичках, острота которых легко притупляется, особенно если режут что-то несколько более твердое.

Грак.: Почему, разве острота ума подобна остроте железа?

Бам.: Не знаю. Я часто видел железо, никогда не видел ум.

Нуг: [А] что произошло с тем сельским юношей, который в прошлом месяце устроил нам трапезу в честь своего прихода, наполненную сельскими уладами? К нему, которого следовало возвратить из побега [видимо, с родины, из села – Н. Р.], наставник послал четырех служителей, занимающихся поимкой беглых. А был он недурен собой [шеголь].

Тур: Красивый, осел. Девушка для домашней работы у моей тетки (эта девушка – сестра ее двоюродного брата) встретила его недавно в своем селе (округе) с голой (непокрытой) головой, непричесанным, косматым, взъерошенным, в галльских сандалиях и шерстяной, груботканой неплотной тунике. Он продавал на какой-то площади бумажные картины (портреты) и таблицы для начинающих учиться, пел песни в кружках (собраниях).

Грак: Он, должно быть, благородной крови.

Тур: Как это?

Грак: Ведь отец его из рода Коклитов*.

Нуг: Это не столь указывает на благородного мужа, сколь на доброго стрелка: легко достигнет цели.

Тур: Или на плотника, который одним глазом по прямой линии ведет красный мелок.

Нуг: Мне никогда не нравился этот парень, он не обнаруживал какого-либо признака добродетели.

Грак: Почему так?

Нуг: Потому что не любил занятий, не уважал наставника, что служит очевиднейшим доказательством пропащей души, и насмехался над стариками, и издевался над несчастными. Но [смотрите], кто это, одетый в шелка, украшенный ожерельем, осыпанный золотыми блестками?

Грак: Из славнейшего рода, мать у него благороднейшая и изобильнейшая.

Нуг: Какая?

Грак: Земля**. И ты вряд ли поверишь, какие всегда он имел наслаждения, ты сказал бы: младенец, до сих пор в колыбели, гремит детскими погремушками.

Нуг: Но у него на щеках уже начинает пробиваться первый пушок.

Бам: Эй, идет надзиратель, доставайте книги, раскрывайте, начинайте листать.

Грак: В эти многие недели надзиратель не был более старательным, хотя столь радовался доносам магистру о проступках [учеников].

Бам: О если бы он уличал нас по крайней мере в настоящем проступке, но он часто клеветал.

Нуг: Стань этой медной стеной, не знай за собой никакой вины, не страшись никакого проступка. Но будьте спокойны, я его сразу же отсюда удалю.

Надзират: Что ты говоришь, Vatia?

Нуг: Что ты, Vatraх?

Надзират: Что ты, Vatrachomyomachia?*** Но шутки в сторону, что здесь происходит?

* Коклес (одноглазый, кривой) – когномен римского национального героя, выступившего против этрусской армии Порсены при защите свайного моста под Римом. Поминая стрелка и плотника, подростки смеются над благородством своего сверстника.

** Видимо, молодой человек из незнатной, но богатой семьи землевладельцев.

*** Здесь, скорее всего, шуточные обращения: vatia-vatius-vatraх («косопалый, кривоногий»).

Тур.: Что происходило? То, что [происходит] среди добрых школьников и учащихся: читают, изучают, спорят. Скажи, пожалуйста, дружок*, что означает у Вергилия: *Transversa tuentibus hircus*? («...козлы-то недаром косились»**).

Надзират.: Хорошо делаете, продолжайте изучать, как подобает юношам добрых дарований. У меня теперь другие дела, будьте здоровы.

Нуг.: Достаточно болтовни, вернемся в школу. Но прежде обдумаем, что объяснил наставник, чтобы самим [кое-что] узнать и чтобы ему доставить удовольствие, [а также] чтобы и себя ободрить, к чему каждый из нас должен стремиться не менее, чем отец.

10. ПИСЬМО

Манрико и Мендоза. Магистр. Мальчик.

Ман.: Ты присутствовал сегодня на выступлении того [магистра] о пользе письма?

Мен.: Где?

Ман.: В школе Антонио Небрихи***.

Мен.: Нет. Но ты расскажи, если что-то сохранилось в памяти.

Ман.: Что я могу рассказать? Он сказал так много, что почти все изгладилось из памяти (забылось).

Мен.: Стало быть, с тобой случилось то, что говорит Квинтилиан о сосудах с узким горлом: они не принимают большого количества вливаемой жидкости, если вливать помногу [3, с. 24]. Но ты вообще ничего не удержал [в памяти]?

Ман.: Почти ничего.

Мен.: Ну хоть сколько-нибудь.

Ман.: Очень мало.

Мен.: Вот это самое малое и сообщи мне также.

Ман.: Прежде всего он говорил, сколь удивительно, что столь немногими буквами можно охватывать такое большое разнообразие человеческих голосов. Затем [говорил он] благодаря буквам друзья, отсутствуя, могут говорить между собой. Он добавил, что ничего не увидит более удивительного на тех островах, недавно открытых нашими правителями, откуда поставляется золото, чем то, что люди на таком большом расстоянии между регионами могут открывать друг другу свои мысли, послав какую-либо записку, испещренную черными пятнами (знаками?) (*maculis*) [на ней]. [Его] спрашивали, умеет ли бумага говорить. Он [сказал об этом] и многом другом, что я забыл.

Мен.: Как долго он говорил?

* В диалоге дано *capitulum lepidissimum* (прекраснейшая головка); у Теренция в русском переводе – «милейший», «дружок».

** Вергилий. Эклоги. III, 8.

*** Небриха Элио Антонио де (1444-1522) – испанский гуманист, филолог, педагог, историк. Автор первой грамматики кастильского языка (1492) и первого латино-испанского и испано-латинского словарей. Его пособие по латинскому языку (*Introductiones latinae*) (1481) было очень популярным вплоть до XIX в.

Ман.: Два часа.

Мен.: Из такого длинного выступления ты доверил памяти столь мало?

Ман.: Действительно, доверил памяти, но она не захотела сохранить.

Мен.: Поистине ты имеешь бочку данайд*.

Ман.: Напротив, я проглотил ситом, а не бочкой.

Мен.: Призовем кого-нибудь, кто вернет твоей памяти, что тот сказал.

Ман.: Впрочем, подожди, ведь кое-что другое я стараюсь найти путем размышления и нахожу.

Мен.: Говори наконец. Почему не записывал пером?

Ман.: Не было под рукой.

Мен.: Даже записной книжки [не было]?

Ман.: Даже записной книжки.

Мен.: Опиши это в конце концов.

Ман.: Уже исчезло [то, что вспомнил]. Ты спугнул мысль, перебив столь досадно.

Мен.: Как? Так скоро?

Ман.: Вспомнил. [Магистр] утверждал, [опираясь] на авторитет неизвестного мне писателя, что нет ничего более выгодного для большой эрудиции, чем хорошо и быстро писать.

Мен.: Кто автор?

Ман.: Имя я часто слышал, но из памяти оно ускользнуло.

Мен.: Как и другие вещи. Но этому предписанию [хорошо писать] не следует множество (*vulgus*)** нашей знати, которая считает для себя прекрасным и достойным не уметь писать буквы. Ты сказал бы, [пишет] как курица лапой, и, если заранее тебе не напомнить, чья рука, ты никогда не угадаешь.

Ман.: И по этой причине ты видишь, сколь грубы (необразованны) люди, сколь безрассудны и со сколь извращенными мнениями.

Мен.: Каким образом они – народ, множество (*vulgus*), если благородны? Разве они сильно не различаются между собой?

Ман.: Народ [*vulgus*] отличается не одеждой и владениями, но жизнью и честным суждением о делах.

Мен.: Стало быть, ты хочешь, чтобы мы охраняли себя от того вульгарного невежества? Займемся этим упражнением.

Ман.: Для меня как-то естественно писать буквы криво, неровно, беспорядочно.

Мен.: Это у тебя от знатности. Упражняйся, ведь привычка изменит то, что естественно.

Ман.: Но где он [учитель] живет?

Мен.: Ты спрашиваешь это у меня, кто человека не слышал, не видел, в то время как ты сам его слушал. Ты, насколько я понимаю, хотел бы, чтобы тебе все заблаговременно было положено в рот.

* Бочка данайд – бездонная бочка, в древнегреческой мифологии дочери царя Даная за убийство своих мужей были обречены в Аиде наполнять бездонную бочку.

** Мендоза употребляет слово *vulgus* в значении «множество» применительно к знати, что рождает у самих учеников вопрос, можно ли это слово применять в отношении благородных. В дальнейшем магистр применяет для обозначения множества применительно к благородным другое слово – *multitudo*.

Ман.: Теперь вспоминаю, он говорил, что дом у него куплен возле храма Юста и Пастора.

Мен.: Значит, он ваш сосед, пойдём.

Ман.: Эй, парень, послушай: где магистр?

Мальчик: В этих покоях (комнате).

Ман.: Что он делает?

Мальчик: Обучает кого-то.

Ман.: Сообщи ему, что здесь перед дверью стоят те, кто пришли, чтобы у него обучаться.

Магистр: Кто эти мальчишки? Чего они хотят?

Мальчик: Желают встретиться с тобой.

Магистр: Допусти их прямо ко мне.

Ман. и Мен.: Желаем тебе здоровья и всяческого процветания, учитель.

Магистр: И я в свою очередь (желаю) счастливого сюда прихода. Да спасет вас Христос. Так чего вы желаете?

Ман.: Обучиться у тебя тому искусству, которое ты преподаешь, если только это возможно и если желаешь.

Маг.: Вы, мальчишки, действительно должны быть обучены честнейшим образом, раз так говорите и со скромным лицом столь желаете. А вот теперь, когда [вижу, что] вы покраснели, твердо надеюсь, сыны, ведь это цвет добродетели. Как зоветесь?

Ман. и Мен.: Манрико и Мендоза.

Магистр: Имена свидетельствуют о свободном воспитании и благородных душах. Истинно благородными вы будете лишь тогда, когда возделаете души этими искусствами, которые наиболее достойны для славных от рождения (*claris natalibus*). Насколько разумней вы, чем то множество (*multitudo*) благородных, которые надеются стать тем родовитее, чем более неумело изображают они буквы. Но этому менее надо удивляться, поскольку безумных благородных уже давно охватило такое убеждение, что нет ничего презреннее и ничтожнее, чем что-то знать. В итоге видно в письмах, составленных их переписчиками, они подписываются так, что никоим образом невозможно прочитать, и ты не поймешь, от кого тебе письмо, если не предупредит почтовый или [пока] не узнаешь печати.

Ман.: На это мы с Мендозой только что жаловались.

Магистр: А вы приходите сюда вооруженные?

Ман.: Вовсе нет, добрый наставник. Нас бы порицали за это наши педагоги, если бы мы дерзнули в этом возрасте даже глядеть на оружие, не говоря уж о том, чтобы касаться его.

Магистр: Ах, я говорю не о жестоком оружии, а о тех писчих орудиях (*scriptoriis*), которые полезны для данного дела. У вас есть футляр с перьями?

Мен.: Зачем футляр для перьев? Тот ли, который мы называем каламария?

Магистр: Он самый. Ведь люди в глубокой древности обычно писали стилем*, за ним последовали тростниковые палочки (*calami***), главным образом [так писали] жители с берегов Нила

* Стил – металлическая палочка для письма по воску, заостренная с одного конца; другой конец имел округлую форму, им заглаживали исписанный воск для исправления ошибок или для написания нового текста.

** Калам – косо очиненная палочка из тростника, толщиной с вязальную спицу, им писали на папирусе.

(египтяне). Агаряне [сарацины], если ты их видел, пишут тростниковыми палочками (*harundinibus*) справа налево, как почти все народы на Востоке. Европа вслед за греками, напротив, слева направо.

Ман.: Так же латиняне?

Магистр: Так же латиняне, сыны. Но они от греков происходят, и некоторые древние латиняне писали на тонком пергаменте, называемом палимпсест*, который стирался, и [писали] в то время только на одной стороне. А книги, написанные с той и другой стороны, назывались опистографы, – с обеих сторон целиком был написан известный незаконченный «Орест» Ювенала. Но это в другое время, теперь же мы пишем гусиными перьями, некоторые – куриными. Эти ваши [перья] очень удобны, ведь стержни (*caule*) широкие, чистые и крепкие. Снимите маленькие перья ножичком и отсекайте кое-что с конца, затем соскоблите, если осталась какая-то шероховатость, ведь гладкие становятся более удобными.

Ман.: Я использую [их] только бесперыми и чистыми, а мой наставник учил меня делать их гладкими с помощью слюны и натиранием обратной стороной рубашки или чулок (*foemini cruralia*).

Магистр: Подходящий совет.

Мен.: Научи нас приводить в порядок перья**.

Магистр: Прежде всего срежьте с обеих сторон верхнюю часть (головку), чтобы стала раздвоенной, затем в верхней части, осторожно вводя ножичек, сделайте разрез, который называется *crena*. Потом выровняйте те две ножки (*pedunculos*) (или предпочитаете назвать [их] *cruscula* – ножки) так, чтобы выше была правая, на которую перо опирается при письме, однако это различие должно быть едва заметным. Перо, если желаешь сильнее надавить на бумагу, держи тремя пальцами, а если [писать] быстрее – большим и указательным, по итальянскому образцу, ведь средний больше сдерживает ход и ставит предел, чтобы [перо] чрезмерно не изливало [чернила], чем помогает.

Ман.: Доставай чернильницу.

Мен.: О, у меня исчезла роговая чернильница, когда шел сюда.

Магистр: Мальчик, достань тот пузырек с чернилами, нальем из него в эту маленькую свинцовую ступку.

Мен.: Без губки?

Магистр: Итак, ты бери пером плавнее (спокойнее) и легче, ведь, когда погружаешь перо в хлопковую или в шелковую либо льняную материю, остается всегда какое-то волокно или маленький клочок на острие (на крене?), снятием чего замедляется процесс письма; а если не снимешь, то скорее изобразишь пятна, а не буквы***.

* Палимпсесты – книги или фрагменты, написанные вторично по очищенному тексту. Первоначальный текст счищали молоком или смесью молока с пемзой, путем выскабливания ножом, в результате чего на нем можно было писать заново.

** Приводить в порядок перья означало, прежде всего, правильно их очинить. Для этого был необходим особый «перочинный» ножик, остро наточенный. При очинке у пера срезали наискось конец с одной стороны, затем до половины с противоположной стороны, так, чтобы получился полукруглый желобок; середину желобка надрезали перочинным ножиком, чтобы сделать щель на кончике (расщеп) для вытекания чернил. Расщеп пера мог быть различным в зависимости от индивидуальной манеры письма.

*** Здесь речь идет о разного рода губках, промокашках.

Мен: Я по совету товарищей кладу мальтийский платок или легкий и тонкий шелк.

Магистр: Этого, право, вполне достаточно. Впрочем, очень важно влить чернила именно в крепкую маленькую ступку. Ее надо носить повсюду, ей, бесспорно, необходима губка. А бумага у вас есть?

Мен.: У меня вот такая.

Магистр: Очень шершавая и мешает перу беспрепятственно двигаться, что для занятий вредно. Ведь пока борешься с шероховатостью бумаги, исчезает многое из того, что замышляешь написать. Этот род бумаги широкой, плотной, грубой, шероховатой оставьте книжным лавкам, которые так называются, потому что от них идут книги для долговременного хранения. Не приобретай для ежедневного пользования ту объемистую [бумагу], величественную или императорскую, которая называется из-за [описания] священных деяний *hieratica*, ее вы видите в книгах священных храмов. Приобретайте для себя наилучшую, тончайшую и крепкую бумагу для писем, которую привозят из Италии, или ту обычную, которую привозят из Галлии, – ее вы найдете повсюду продаваемую в отдельных кодексах приблизительно за 8 монет; вам дадут вместе с ней лубяную дощечку оберточной бумаги (*carta emporetica*), которую мы называем *bibula*.

Мен.: Каково значение этих названий? Я часто был нетверд [в их знании].

Магистр: *Emporetica* [оберточная бумага] приходит из Греции с товарами, которые следует завертывать, [ее называют] *bibula*, поскольку поглощает чернила, так что вам не нужны будут отруби, крупный песок или пыль, соскобленная со стен. Но лучше всего, когда буквы высыхают сами собой, ибо таким способом они становятся долговечными. Однако оберточная бумага будет полезна: расстелите ее под рукой, чтобы влагой и грязью не запятнать чистоту папирусной бумаги.

Ман.: Давай нам теперь, если тебе угодно, образцы.

Магистр: Прежде всего абecedариум (*abecedarium*)*, затем *syllabatim* (слог за слогом, по слогам), потом связанные слова по такому примеру: Учись, мальчик, с их помощью ты станешь мудрее и потому лучше. Слова – знаки душ среди присутствующих, буквы – среди отсутствующих. Воспроизведите это и возвращайтесь сюда после трапезы или завтра, чтобы я исправил ваше письмо.

Ман.: Сделаем. А пока Христос с тобой.

Магистр: И с вами тоже.

Мен.: Сядем, чтобы без вмешательства товарищей и помех обдумать, что узнали от этого учителя.

Ман.: Согласен, пусть так и будет.

Мен.: Пришли туда, куда мы хотели. Сядем в этих скалах.

Ман.: Конечно, но спиной к Солнцу.

Мен.: Дай мне взаймы половину листа бумаги, отдам завтра.

Ман.: Достаточно тебе этого кусочка?

Мен.: Как! Он не вместит шести строк, особенно моих.

Ман.: Пиши на той и другой стороне и делай строки более плотные, зачем ты оставляешь столь большое расстояние?

* Абecedариум – алфавит, «азбука» (название от первых трех букв латинского алфавита – a b c).

Мен.: Я? Едва ли есть [в моем тексте] какой-то интервал, ведь буквы с обеих сторон прикасаются друг к другу. Особенно те, что имеют длинные острия (острые верхушки) или ножки, как **b** и **p**. Но ты что? Уже две строчки написал? И при этом изящно, разве только криво.

Ман.: Пиши отдельно и молчи.

Мен.: Право же пером и чернилами это никоим образом не может быть написано.

Ман.: Почему так?

Мен.: Не видишь, что перо обрызгивает бумагу чернилами вне букв?

Ман.: Но мои чернила до того жирные, что подумаешь, [это] грязь. Прошу, посмотри, как висят они наверху крены и не стекают для образования букв (отпечатков). Почему же нам в таком случае не устранить с обеих сторон неудобства: ты разрежь ножичком с острых концов перо, чтобы оно чернила легко собирало в буквы; я, чтобы чернила были более чистые, налью несколько капель [воды].

Мен.: Immeito potius*

Ман.: О! право же, моча, сами чернила издадут зловонный запах и все, что напишешь. Нелегко потом этот запах уничтожить с губки, наилучшим был бы уксус (acetum), если бы был под рукой, ведь он силой своей сразу же разжижает плотные чернила.

Мен.: Истинно, но опасно: как бы его острый запах не проник в бумагу.

Ман.: Ничего такого не бойся. Эта бумага более всего удерживает чернила, чтобы они не разливались.

Мен.: Края этой твоей бумаги неровные, сморщенные и шероховатые

Ман.: Немного обрежь края ножницами, это ведь также [и] изящнее, или прекрати писать на той шероховатости. Для тебя всегда самые легкие препятствия – достаточно большая помеха, чтобы идти дальше. А все, что под руками, немедленно отбросишь.

Мен.: Уже возвращаемся к преподавателю.

Ман.: Тебе кажется, что время?

Мен.: Опасаюсь, как бы уже не прошло время, ведь он обычно ужинает рано.

Ман.: Пойдем, ты войдешь первым: у тебя меньше робости.

Мен.: Напротив, скорее ты: у тебя меньше дерзости.

Ман.: Смотри, не выходит ли кто-то от него, кто заметит, как мы здесь шутим и развлекаемся. Постучи в дверь кольцом, даже если она открыта. Ведь так будет вежливее.

Мальчик: Кто там? Входи прямо внутрь, кто бы ты ни был.

Ман.: Это мы, где учитель?

Мальчик: В комнате.

Мен.: Всяческого тебе благоденствия, учитель.

Магистр: Входите с миром.

Ман.: Мы воспроизвели пять или шесть раз твой образец на той же самой бумаге. Передаем тебе этот наш труд для исправления.

Магистр: Правильно делаете. Показывайте. Впредь оставляйте большее расстояние между строками, чтобы было [место], где я мог бы исправлять ваши ошибки. Эти буквы очень неровные,

* От лат. *immejo* – *semen immitere (vulvae)* – подросток выражается неприлично.

что в письме отвратительно. Обратите внимание насколько **n** больше, чем **e** и **o**, чем круг у этого **p**. Ведь всем телам букв надлежит быть равными.

Мен.: Скажи, пожалуйста, что ты называешь телами?

Магистр: Середину в буквах кроме остроконечных верхушечек и ножек, если те имеют их. Острые верхушки имеют **b** и **l**, ножки – **p** и **q**. Еще также в **m** [у вас] неравны голени: первое короче, чем среднее, и тащит слишком большой хвост, как и это **a**. Вы недостаточно нажимаете пером на бумагу, чернила едва заметны и не различишь, каковы буквы. Так как ты пытался эти буквы преобразовать в другие, выскоблив частицы острым концом ножичка, то больше обезобразил написанное. Достаточно было бы применить тонкое затирание (воском). Затем то, что не уместилось из слова в конце строки, [вы должны] перенести в начало следующей, лишь бы цельными были всегда слоги, которые закон латинского письма не допускает отсекать. Из устных преданий известно, что Август Цезарь обыкновенно не разделял слова и не переносил из последней части строк лишние буквы [не уместившиеся в строку] в другую, но там же сразу ставил под строкой и обводил кругом.

Мен.: Мы будем охотно подражать этому, поскольку это пример государя.

Магистр: Правильно делаете, ибо как иначе вы проверите благородство своей крови. Но не связывайте все буквы и не все отделяйте. Есть те, которые требуют связывания между собой, как хвостатые, с другими, как, например, **a**, **l**, **u**, также вооруженные копьем, как **f** и **t**. Есть те, которые отвергнут, – [это] без сомнения, круглые **p**, **o**, **b**. Сколько сможете, пишите, держа голову прямо. Ведь при наклоненной голове жидкости стекают вниз ко лбу и глазам; откуда рождаются многие болезни и слабость зрения. Берите другой экземпляр, который воспроизведете завтра с Божьим увещанием.

Поторопись и решение со дня не откладывай на день:

То, что под силу сейчас, завтра уж будет невмочь*.

Currant verba licet, manus est velociter illis,

*Nondum lingua suum, dextra peregit opus**.*

Мен.: Хочешь, чтобы мы эту подчистку даже не стирали?

Магистр: Подчистку, конечно, также и другое, хорошо написанное.

Мен.: Тем временем желаем тебе прекрасного здоровья.

Перевод выполнен и прокомментирован Н.В. Ревякиной по первому изданию диалогов:

Linguae latinae exercitatio

Ioan. Lodo Vivis Valentini

Parisiis, 1540

*Libellus valde doctus et elegans, nunque primum in
lucem editus*

* Овидий. Лекарства от любви, 93. Пер. М.Л. Гаспарова.

** *Martialis Marcus Valerius. De notario.*

Список литературы:

1. *Денисенко, Н. П.* Проблемы бедности в трактате испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса «О вспомоществовании бедным» / Н. П. Денисенко // Возрождение : общественно-политическая мысль, философия, наука : межвуз. сб. науч. тр. – Иваново : ИВГУ, 1988.
2. Европейская педагогика от античности до нового времени : исследования и материалы : сб. науч. тр. В 3 ч. Ч. 3. / Рос. акад. образования ; Ин-т теорет. педагогики и междунар. исслед. в образовании ; ред. В. Г. Безрогов, Л. В. Мошкова. – М. : ИТПИМИО, 1993.
3. *Квинтилиан, М. Ф.* Двенадцать книг риторических наставлений. В 2 т. Т. 1. / Марк Фабий Квинтилиан ; пер. А. Никольского. – СПб., 1834.
4. *Лоренцсон, В. Н.* Выдающийся испанский педагог гуманист Х. Л. Вивес / В. Н. Лоренцсон // Советская педагогика. – 1959. – № 8.
5. *Меньшиков, В. М.* Педагогика Эразма Роттердамского ; Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса : открытие мира детства : учеб. пособие / В. М. Меньшиков. – М. : Народное образование, 1995.
6. *Овидий.* Лекарство от любви, 93 / пер. М. Л. Гаспарова. // Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы. М., 1973.
7. *Эразм Роттердамский.* Разговоры запросто / Эразм Роттердамский ; пер. с лат. С. Маркиша. – М. : Худож. лит, 1969.
8. Эстетика Ренессанса. В 2 т. Т. 1. / сост. В. П. Шестаков. – М. : Искусство, 1981.
9. *Bömer, A.* Die lateinischen Schülergespräche der Humanisten / A. Bömer. – Berlin : Harrwitz, 1897.
10. *Bowen, J.* Storia dell'educazione occidentale. In 3 v. V. 2. / James Bowen ; traduzione di G. A. De Toni. – Milano : Mondadori, 1980.
11. *Vives, J. L.* Linguae latinae exercitatio Ioan. Lodo. Vives Valentini : libellus valde doctus et elegans, nuncque primum in lucem editus / Vives Joan Lluís. – Parisiis, 1540.

Spisok literatury:

1. *Denisenko, N. P.* Problemy bednosti v traktate ispanского gumanista Khuana Luisa Vivesa «O vspomoshchestvovanii bednym» / N. P. Denisenko // Vozrozhdenie : obshchestvenno-politicheskaja mysl', filosofiiia, nauka : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Ivanovo : IvGU, 1988.
2. Evropejskaia pedagogika ot antichnosti do novogo vremeni : issledovaniia i materialy : sb. nauch. tr. V 3 ch. Ch. 3. / Ros. akad. obrazovaniia ; In-t teoret. pedagogiki i mezhdunar. issled. v obrazovanii ; red. V. G. Bezrogov, L. V. Moshkova. – M. : ITPIMIO, 1993.
3. *Kvintilian, M. F.* Dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavlenii. V 2 t. T. 1. / Mark Fabii Kvintilian ; per. A. Nikol'skogo. – SPb., 1834.
4. *Lorentsson, V. N.* Vydaiushchiisia ispanskii pedagog gumanist Kh. L. Vives / V. N. Lorentsson // Sovetskaia pedagogika. – 1959. – № 8.

5. *Men'shikov, V. M. Pedagogika Ėrazma Rotterdamskogo ; Pedagogicheskaia sistema Khuana Luisa Vivesa : otkrytie mira detstva : ucheb. posobie / V. M. Men'shikov. – M. : Narodnoe obrazovanie, 1995.*
6. *Ovidiĭ. Lekarstvo ot liubvi, 93 / per. M. L. Gasparova. // Publiĭ Ovidiĭ Nazon. Ėlegii i malye poëmy. M., 1973.*
7. *Ėrazm Rotterdamskiĭ. Razgovory zaprosto / Ėrazm Rotterdamskiĭ ; per. s lat. S. Markisha. – M. : Khudozh. lit, 1969.*
8. *Ėstetika Renessansa. V 2 t. T. 1. / sost. V. P. Shestakov. – M. : Iskusstvo, 1981.*
9. *Bömer, A. Die lateinischen Schülergespräche der Humanisten / A. Bömer. – Berlin : Harrwitz, 1897.*
10. *Bowen, J. Storia dell'educazione occidentale. In 3 v. V. 2. / James Bowen ; traduzione di G. A. De Toni. – Milano : Mondadori, 1980.*
11. *Vives, J. L. Linguae latinae exercitatio Ioan. Lodo.Vivis Valentini : libellus valde doctus et elegans, nuncque primum in lucem editus / Vives Joan Lluís. – Parisiis, 1540.*

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2014, № 6